

Константин Ваншенкин один из самых популярных и любимых народом поэтов фронтового поколения. С 1947 года он уверенно совершенствует свое мастерство. Учеба в Литературном институте имени Горького. Первые публикации. Первые книги. Первые творческие дружбы: Марк Бернес, Эдуард Колмановский, Ян Френкель. Первые песни. Сегодня вряд ли найдется человек, не слышавший и не полюбивший песни: «Я люблю тебя, жизнь», «Алеша», «Вы служите, мы вас подождем», «Как прожуют пароходы»... Потом родилась проза. Проза лиричная, насыщенная, впечатляющая.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию беседу с Константином Яковлевичем.

— Суровые испытания сформировали характер вашего поколения. Семнадцати лет вы, Константин Яковлевич, стали по ранжиру где-то в середине своего отделения... Скажите, когда и при каких обстоятельствах вы ощутили в себе потребность высказаться стихами? Не связано ли это со школой?

— Да, конечно, к великому испытанию, которое, в сущности, и определило судьбу многих из нас, мы были подготовлены детством, воспитанием в школе. Правда, войну мы представляли наивно. Мы не знали, что это — тяжелейший труд, тысячи километров, пройденных лесами и болотами, сотни кубометров земли, выброшенных саперной лопатой, это — смерть близких друзей, неистребимая ненависть к врагу. И когда я лично пережил все это, я почувствовал, что моя душа должна освободиться от вытесненного. Так появились первые стихи.

Безобидные мальчишеские забавы вдруг сразу, одним днем зловеще и неожиданно превратились в борьбу не на жизнь, а на смерть. И в первых походах, в первых боевых сражениях, где стреляли уже не холостыми, как на уроках военного дела, а настоящими пат-

ронами, вспоминались прежде всего те, кто говорил вчера правдивые слова о жизни и смерти, о добре и зле. Вспоминались учителя, друзья-однокурсники.

— Коль уж мы сразу заговорили о войне, о трудностях жизненного пути человека, скажите, на ваш взгляд, как вынесло бы сегодняшнее поколение молодых то, что довелось испытать вам?

— Когда я смотрю на семнадцатилетних, то думаю: «Неужели мы когда-то были такими?». Разница в том, что нынешняя молодежь проверяется не только испытаниями на БАМе, КамАЗе, но и испытанием счастьем нашей сегодняшней жизни. Да, да, не смотрите на меня так удивленно! Человек проверяется не только горем и бедами, но и радостью, достатком, теплом. Думаю, что наши парни и девчата не зачерствеют душой и сердцем, не наполнят свои жизни пресыщением тем, что дается им подчас без всякого труда.

Человек передает последующему поколению нравственные начала, которые прорастают в детях и создают традицию. Сегодняшнему поколению переданы мужество и преданность отцов, гордость за высокие

предназначение слова «советский».

Я считаю, что именно в школе ребята впервые познают художественную правду жизни и смерти, правду войны и мира. Она приходит к ним через слово художника. Наверное, отсюда и пошла чуждая традиция поисков неизвестных героев, традиция великого девиза «Никто не забыт и ничто не забыто».

— Константин Яковлевич, в одном из лучших ваших стихотворений «Мальчишка» говорится о том, как простая, но гордая и смелая девчушка «перевоспитала» вчерашнего командира задиристой ватаги ребятшек. Расскажите, как возникли эти стихи?

— Об этом меня почему-то часто спрашивают. Причем, и взрослые, и маленькие. В 1949 году, когда я учился в Литинституте, студентка Инна Гофф, ставшая впоследствии писательницей, рассказала мне, как в детстве она приехала в какой-то город и там, на маленькой улице, верховодил над сверстниками отчаянный подросток. Его боялась вся округа. И вот однажды, когда Инна шла по улице, сорванцы преградили ей дорогу. Девочка не растерялась, она попросила вожака

проводить ее до дома и тот — скорее от неожиданности — согласился.

Прошел год. Я наверное уже забыл о рассказе Инны. Однажды мне пришлось наблюдать, как мальчишки, сидя у пруда, соревновались в метании плоских камешков. Особенно выделялся один, по-видимому, заводила. Мне сразу же пришли в голову строчки: «Он плоский камень так бросал умело, что тот, как мячик, прыгал по воде». Я записал их в блокнот и забыл на многие месяцы. Но однажды как бы невзначай я наткнулся на эти строчки и сразу же мне вспомнился эпизод, рассказанный Инной Гофф. Стихотворение было написано за несколько часов.

— Громадное значение в воспитании молодежи, школьников, студентов играет книга. Вы — автор многих сборников стихов и рассказов. Значит, непосредственно участвуете в процессе нравственного воспитания. Скажите, что значит книга в вашей жизни?

— Потребность в чтении, пристрастие к книге возникли у меня давно. С самого раннего детства. Сначала это были всякие считалочки, загадки. Потом сказки. Потом — Пушкин. На всю жизнь!.. Были, как и у всех мальчишек, книги о пиратах, индейцах, мушкетерах, разведчиках.

Я давно понял, что, читая книги, можно прожить не одну, а множество жизней.

Есть книги, которые с нами на всю жизнь. До конца. Наверное, у каждого — они свои. Но у многих непременно — Пушкин, Толстой, Достоевский, Тютчев, Блок.

Особенно дороги мне книги моих учителей. Вот, например,

книга Михаила Исаковского. Дана она в сорок седьмом году, в Москве. Тираж ее десять тысяч экземпляров.

— Кто из ваших старших товарищей, наставников в поэзии или в жизни вообще больше всего повлиял на вас? И каким образом?

— Без преувеличения могу сказать: Александр Твардовский и Марк Бернес. Оба как бы с двух полюсов — с полюса поэзии и музыки, песни, прошли через всю мою жизнь и останутся со мной навсегда. Твардовский — одна из самых ярких радостей моей литературной жизни. Никому — ни из сверстников, ни из старших поэтов, ни из редакторов — не показывал я свои стихи с таким волнением, душевным трепетом, как ему. Ничье отрицательное суждение не обдавало меня такой горечью. Ничья похвала не наполняла таким счастьем. Любая встреча с ним оставляла впечатлительность, важности, глубины. После разговора с Александром Трифоновичем хотелось работать, писать.

Марк Бернес... Пел он неповторимо. И другим был неповторимым. Многие мои песни остались песнями только одного Бернеса: «Я люблю тебя, жизнь», «Солдаты», «Я спешу, извините меня», «Тополя». Мы дружили 15 лет. Я учился у него радоваться жизни, всему, что приносит удачу, вдохновение, хорошее настроение. Он президал все необязательное, преходящее. Не выносил положек, халтуры. Умел отдавать себя всего людям, друзьям, песне.

— Если бы вы стали учителем литературы, о чем бы вы говорили с учениками, помимо обязательной программы?

— Наверное, о том же — о литературе, о великом ее назначении, о необходимости развития художественного вкуса.

— Что бы вы сказали о своих творческих планах сегодня, после недавно завершившегося VI съезда писателей СССР, делегатом которого вы были?

— Во-первых, хочется сказать, что у меня вышел двухтомник избранных стихотворений за 30 лет работы, том прозы в издательстве «Советская Россия». Только что сдан в производство новый сборник лирики «Дорожный знак». Есть и новые песни, в том числе еще не исполнявшиеся. Одна из них написана в соавторстве с Эдуардом Колмановским, она на военную тему, называется «Ребят позабыть не смогу». Вторая, автором музыки которой является Ян Френкель, называется «Обучая игре на гитаре».

— Вы как-то рассказывали о самом первом Дне поэзии. Один любитель стихов спросил на поэтическом вечере — будет ли сегодня вечером салют? Шутка шуткой, а что если действительно салютовать лучшим стихам года в один из осенних дней, когда по всей стране проводятся Дни поэзии? Вы не против?

— Самым лучшим фейерверком поэзии, на мой взгляд, являются сами стихи. Стихи талантливые, умные. Стихи, которые близки всем. Побольше бы настоящего искусства, подлинности чувств, искренности души и сердца. Вот тогда бы, наверное, каждый день нашей жизни был бы Днем поэзии всего живого на земле.

Беседу вел
Ф. МЕДВЕДЕВ.